

Энергия (шакти) в текстах индийской Тантры: мужчина возносит хвалу женскому началу

Андре Паду, перевод с французского Андрея Игнатьева
(<http://www.sanskrit.su>)

В данной статье мы не будем говорить об антропологическом подходе к определению места или роли женского начала и священной женственности в религиозной жизни индийского общества: будучи индологом-«классиком», я ограничусь ссылками на тексты. Я упомяну некоторые места санскритских текстов, связанных с богинями (или с Богиней с заглавной буквы), или с женской энергией, шакти (которая есть Богиня), текстов, где заметно место, которое индийский мужчина (я говорю: мужчина, так как мы имеем дело именно с мужским взглядом на мир) очень рано придавал (и не переставал придавать) присутствию и энергии женского начала в религиозной сфере, стало быть, сакральной женственности. Но очевидно, что роль, придаваемая в пантеоне женским божествам, не обходится без связи с образом и восприятием женщины и женского начала в цивилизации, где этот пантеон сформировался.

Также я не буду касаться гипотез о дравидийском или индоарийском происхождении Богини или культов женских божеств, пусть даже и склонен думать, что эти культы имеют по сути своей автохтонное происхождение, они рождены индийской почвой, и стало быть, не являются арийскими. Как следствие, я ограничусь санскритскими ссылками (а значит, индоарийскими с точки зрения лингвистики), где есть моменты, которые стоит отметить.

Заметим сразу, что в мужском по сути своей мире ведизма мощь, превозносимая как наивысшая, как являющаяся источником всех вещей, как властительница богов это речь, Вач, сущность женского рода. Это превознесение речи обнаруживается именно в двух часто цитируемых гимнах Ригведы (X.71 и X.125). Но веды содержат много других утверждений могущества речи: «Ты стал великим, о Индра, благодаря священному слову»

(Ригведа X.50.4) и «Насколько распространилось священное слово, настолько и речь» (Ригведа X.114.8). Стало быть, речь равна абсолюту, абсолюту, который к тому же не мужского рода, а среднего – далее я вернусь к вопросу о среднем роде в санскрите.

Попутно отметим, что речь, Вач, не только льётся в четвертном потоке молока (у коровы, как известно, четыре вымени), но она является самой космической Коровой: «Когда забрезжили первые утренние лучи, великая (сущность), Слово (или негибнущий слог – акшара) родилось на месте Коровы (паде гох): на следе ноги космической Коровы, то есть на уровне трансцендентной Речи. Корова, представляющая собой женский образ, образ матери-кормилицы (го мата) также присутствует на протяжении всей истории индийской цивилизации.

Не стоит останавливаться на природе женской творческой энергии речи в ведах, так как это является хорошо известным фактом. Но всё-таки следовало это напомнить, поскольку здесь замечен присутствующий с самого начала индийских религиозных спекуляций элемент, который сознательно или бессознательно всегда сохранялся и получил значительное развитие в сфере индуистского тантризма, где без конца размышляли о значении речи, и где Вач отождествлялась с Богиней.

Следует также указать, что наряду с Вач, наряду с прекрасным и благостным образом Ушас, утренней зари (отождествляемой к тому же в Ригведе III.61 с божественной творческой силой, майей) в ведизме обнаруживается другой образ, совершенно негативный, женского начала. «Не бывает дружеских отношений с женщинами, – гласит гимн X.95.15 Ригведы, – у них сердца гиен» (изречение, вложенное в уста женского персонажа, Урваши). Женщина описывается как антитеза, противоположность космического порядка, риты: анритам стри, гласит Майтраяни-самхита (I.10, 11) Яджурведы, а в Шатапатха-брахмане сказано: «Женщина, шудра, собака и чёрная птица (ворон) это суть анритам, и не должно бросать на них взор».

Совершенно негативный, опасный аспект женского начала в ведизме представлен богиней Ниррити, чёрной, персонификацией смерти: это пожирающая мать. Данный аспект божественного, который сохранится в будущем и даже определённым образом выйдет на первый план в тантрическом контексте вместе с грозными формами Богини, Кали и другими, и с сопровождающими их опасными женскими божествами. Божественные формы, которые все могут быть восприняты как представляющие или соответствующие непредвиденному, неорганизованному, а значит вызывающему страх и опасному аспекту мироздания. Но отчего, можно поинтересоваться (впрочем, если не читать Фрейда...) этот аспект связан с женским началом?

В Индии также существует древняя связь между женщиной и природой. Старинная дуалистическая система санкхьи установила два вечных первопринципа: первый, духовный, «Муж» (пуруша), а значит мужской, и второй, Природа или материя, женский, предустановленная основа (прадхана), неопределённое (авьякта), которое в процессе развития обращается в природу, творящую форму, но это происходит лишь благодаря изначальному толчку со стороны пуруши. Он есть чистое сознание (чинматра), свет (пракаша), неподвижный зритель, одно лишь присутствие которого, однако, приводит в движение жизнь. Женская основа здесь является инертной, и только мужской элемент одушевляет её. Здесь в некотором роде находят своё отражение традиционные индийские представления о зачатии, согласно которым матка представляет собой лишь пассивноеместилище семени, зародыша, вложенного мужчиной. Эти представления меняются местами в различных космологических учениях, к числу которых принадлежат и тантрические системы, что в их случае не перестаёт быть противоречивым. Без сомнения, перед нами твёрдо устоявшийся архетипический стереотип. Продолжая сохранять подобные взгляды на зачатие, тантрические системы, которые к тому же заимствовали у санкхьи космическую структуру таттв, добавив сюда одиннадцать дополнительных элементов, перейдя от Пуруши к Шиве (или

Вишну) – обладали, напротив, в некоторых отношениях более «ведийским» взглядом на женское начало, выступающее для них принципом движения, жизни и могущества: Шива, хоть он и свет и сознание, оказывается лишь трупом (шава) без Шакти – взглянем по этому поводу на Кали, активной и восседающей на бледном и инертном трупе Шивы.

Возвращаясь с тантрическим текстам, приходится признать, что мы почти ничего не знаем о времени и условиях, в которых появились культы, которые авторы данных текстов описывают с сопутствующими спекуляциями. Насколько можно судить по тем из них, что дошли до нас, эта разновидность культа и спекуляций должна была вначале появиться в среде, без сомнения, аскетов (а значит, мужчин), почитавших грозное божество, форму ведийского бога Рудры, которому вначале поклонялись отдельно от других богов (или точнее, в ряду мужских ипостасей – рудр – выстроенных в космическую иерархию), а (впоследствии?) стали представлять окружённым второстепенными женскими божествами, обладающими энергией, всемогуществом и дикой, пугающей природой. Стало быть, именно в «шиваитском» и мужском контексте (Рудра был предшественником Шивы) получил развитие культ женской энергии, шакти. Некоторые из этих культов остаются по сути своей мужскими, особенно это касается такой внушающей ужас ипостаси Шивы, какой является бог Бхайрава. Но в других традициях различные уровни мироздания также управляются не только Рудрой, но и богинями, преимущественно йогини, происходящими из главного божества, которые распространяют повсюду свою энергию и охватывают вселенную сетью могущества (йогини-джала), «сеткой йогини», сетью, которая не переставая быть вездесущей, концентрируется в определённых пунктах, в местах силы (питхах), разбросанным по всему Индийскому субконтиненту. В этом отношении, культы этих божеств имели с самого начала явные местные корни – возможно, как раз потому что эти богини были вначале местными божествами. В более поздние времена у широкой традиции кулы будут, таким образом, свои святы места (питхи), деревни (палли), духовные центры

(матхи) и т.д. В «древних» шиваитских тантрах (так как эти откровения о женской энергии обычно возглашаются богом Шивой в одной из своих форм), йогини распределены по «семьям» (на санскрите кула – отсюда и название этой традиции), которых, как правило, насчитывается восемь, при этом каждая из них объединяет восемь йогини (а значит, всего их шестьдесят четыре). Их культ, очень распространённый в средние века, дожил почти до наших дней, и повсюду их храмы окружены страхом. Йогини остаются сверхъестественными, непредвиденными и опасными силами.

В тантрах значимость шакти особенно заметна в серии текстов, именуемых ямалатантрами, тантрами пары (ямала), образуемой богом и его супругой (Шива-Шакти, или Капалабхайрава и Капалини, божества, держащие человеческий череп), здесь мужское божество занимает полностью господствующую позицию: оно это шактимант, обладатель шакти, или шактичакрешвара, повелитель круга энергий. Как гласит часто цитируемое шиваитское изречение: «мир создан из его энергий, владыка этих энергий это Великий Господь (Шива)». И всё-таки касательно этих тантр есть впечатление, что хотя в сфере метафизики высшее положение занимает мужское божество, в живой религиозной реальности, в культовой практике, во всяком случае, как и в использовании мантр (без которых не может быть и культа) именно женский элемент выступает на передний план, как раз потому что именно женские божества воплощают и распространяют энергию – как благую или опасную мощь самого божества, так и силу, используемую в культовой практике посредством мантр, а значит, посредством речи, которая по своей сути обладает женской и энергичной природой. Правда, эффективность мантр обозначается как мантра-вирья, термин с мужской коннотацией (вирья это также «мощь» и «мужское семя»), но эта действенность достигается лишь путём вовлечения вак-шакти, энергии речи.

Собственно, женские культы получают развитие всё-таки (начиная, как думают некоторые) с появлением великих богинь, вознесенных на вершину иерархии йогини, которыми они управляют или сущностную природу которых

они составляют. Богиня, обнаруживающаяся в этих культах, это Кали или точнее формы Кали, имеющей то соблазнительную, то внушающую ужас внешность, но всегда грозную, по собственной воле украшенной гирляндами из отрубленных голов, иногда множества голов людей и животных, и стоящей на лежащем или восседающем мужском божестве, чьей супругой и в то же время совершенной властительницей она является. С точки зрения метафизики, в традициях, где почитают такую богиню, она представляет наивысшую божественную реальность, трансцендентную и имманентную одновременно. В этих недуалистических системах она выступает высшим уровнем божественного сознания и одновременно наивысшим уровнем сознания почитателя.

Заметим попутно по поводу природы Сознания божественности, что санскритское слово, обозначающее в этом случае сознание, это самвит, а это слово женского рода (чит, другое слово, обозначающее сознание, также женского рода). Без сомнения, абсолют, трансцендентальный уровень божественного, находится за пределами как мужского, так и женского: в послеведийскую эпоху абсолют это Брахман, среднего рода, но божественная форма, в которой он воплощается и в которой его почитают, здесь это Богиня: перед нами здесь особый случай, когда женское объемлет и мужское, и женское. Возможно, также интересно отметить по этому поводу, что если средний род на санскрите это «не-мужской» (напумсака), то, что можно перевести словом «евнух», это никоим образом не воспринимается как мужское существо, лишённое своих атрибутов, но напротив, скорее, как превосходящее мужское и женское. Это существо обладает позитивным знанием: неслучайно, что абсолют, высшее начало, предстаёт в образе Брахмана среднего рода.

Таким образом, в тантрическом контексте обычная поляризация божества на мужское и женское во время своего проявления практически всегда снимается или скорее заменяется: одновременно выдвигается и снимается на уровне абсолюта. Этот абсолют среднего рода может

представляться в образе высшего Шивы, Парамашивы, по ту сторону Шивы и Шакти. В таком случае он имеет мужскую природу, включающую и превосходящую оппозицию мужское / женское. В то время как в недуалистических шактистских традициях, например, в кране, это божественный абсолют будет формой или совершенно трансцендентальным уровнем Богини, уровнем, который, продолжая оставаться по ту сторону всего неопишуемым, «пустым» (шунья), может, однако, иконографически быть представлен, например, в одной из форм Гухьякали с множеством рук и голов.

В совершенно шактистской, но умеренно тантрической системе, где царит благостная и эротичная богиня Трипурасундари (школа шривидья), системе, где абсолютный уровень божественного представлен Парамашивой, а значит, богом, можно отыскать Богиню, описываемую (Йогини-хридая 2.73-74) как «не ведающую разделений, высшую, тонкую, не имеющую конкретного существования, высшую Реальность по ту сторону небесного свода Сознания, свет, блаженство, превосходящую вселенную, не переставая быть тождественной ей». Женское начало здесь это высший абсолют, даже если в том же тексте Шива теоретически сохраняет самый высокий метафизический статус – не возник ли этот текст в среде брахманов? Но в этом же тексте Шива описывается как Свет и Сознание (или Свет-Сознание), между тем, если слово пракаша, свет, мужского рода, то самвит, сознание, женского. Простое грамматическое различие, можно было бы подумать. Но для брахманов, искущённых в знании вспомогательных ведийских наук, среди которых грамматика является «царицей» и «прямым путём к благу», использование термина женского рода нежели чем мужского не могло быть необдуманной и лишённой последствий случайностью. Можно вообразить, что в подобном случае женское начало, возможно, священная женственность таилась по меньшей мере в их подсознании. Тантрический мир (или следует сказать индийский мир?) был миром мужской религиозности, где не избегали влияния женского начала.

Одна из самых любопытных в отношении роли женственности шактистских традиций это традиция крама, являющаяся частью шиваитского течения кула. Её представления были впоследствии углублены и систематизированы авторами, принадлежащими к кашмирскому шиваизму. Эта эзотерическая система получила такое название, потому что она рассматривает циклическую манифестацию космоса как происходящую посредством смены фаз или этапов (крама): эманация (сришти), сохранение (стхити), поглощение (самхара), затем «невыразимое» (анакхья) – и иногда бхаса, чистый свет. Но особенно крама приводит каждый этап космического процесса в соответствие с одной из богинь, также как и с уровнем сознания адепта, почитающего этих богинь, чтобы обрести их мощь и идти к освобождению (или скорее к преодолению своего обычного смертного состояния). Поэтапное почитание (крамена) этих богинь при отождествлении с их космической деятельностью соответствует таким образом движению человеческого сознания от обычного эмпирического мира к абсолюту, так как каждый из этапов или аспектов этого ментального процесса приводится в соответствие с фазами космического процесса, будучи представлен формой богини Кали. Таким образом, имеется двенадцать Кали, которые, как считается, образуют круг, чьё вихреобразное движение образует мир (как ментальный, так и физический), поддерживает и одухотворяет его, а затем поглощает, так что в конце остаётся лишь пустота (шунья – слово среднего рода), речь идёт о высшем «пустом», поскольку трансцендентальном уровне божественности или высшем уровне сознания адепта. У этого последнего в таком случае нет более никаких ментальных процессов, и он сливается с высшим божественным уровнем, которые с теологической точки зрения является уровнем самой пугающей формы богини Кали. Насколько всякая космическая или индивидуальная манифестация представляет собой форму энергии, шакти, она, будучи энергией, выступает аспектом, само собой разумеется женским, Богини. Конечно, именно йогин, а значит в принципе мужчина практикует эту аскезу, нежели чем женщина, хотя последнее тоже

может иметь место. Впрочем, эта аскеза всегда имеет своей целью достижение вездесущности энергии, имеющей женскую природу.

Мы обнаруживаем очень большую значимость, придаваемую женской форме божественности в других шиваитских традициях, например, в кашмирской системе трика, где энергия, присутствующая на всех уровнях, представляется в образе богинь и где трансцендентальный уровень божественности, по ту сторону даже высшего Шивы, воображается не как пустой абсолют, но как три богини, Пара, Парাপара и Апара, которые являются источником и архетипом всех богинь, всех «матерей», населяющих вселенную их энергии. Йогин, отождествляющий себя посредством медитации с высшим божеством и в силу этого воображающий трезубец Шивы встающим вместе со всем космосом в своём теле вплоть до макушки головы, представляет себе этих трёх богинь восседающими на телах трёх Бхайрав, которые сами помещены на три конца трезубца, возвышающиеся над его черепом. Женское начало в этом случае (представленное также как Кали – разрушительница времени – Каласамкаршини) охватывает и полностью превосходит мужское.

Но когда мы думаем о божественной форме женского начала в тантрическом контексте, то имеем в виду прежде всего кундалини, эту форму космической энергии, присутствующую в человеческом существе. В обычное время она дремлет, но будучи пробуждённой посредством соответствующих техник, поднимается по позвоночнику до макушки головы, вызывая яркий мистический опыт. Между тем кундалини и есть присутствие в человеческом существе (в мужчине, прежде всего) божественной женской энергии: это и есть богиня. Эта практика представляет собой одновременно практику соединения мужского и женского. Пребывающая в покое возле половых органов или представляемая свернувшейся вокруг маленького лингама, кундалини, когда она поднимается и пронзает чакры, достигает, в конце концов, макушки, Шивы, и соединяется с ним; а значит он кажется господствующим. На самом деле кундалини в шиваитских традициях, где она играет определённую роль, описывается как энергия, исходящая от Шивы.

Высшая ступень опыта, к которой она даёт толчок, достигается, однако, лишь тогда, когда Шакти соединяется с Шивой: полный и совершенный расцвет имеет место лишь в союзе двух аспектов божественного: мужского и женского. Иногда на Западе это описывается как достижение андрогината, представляющего собой полноту через актуализацию женского начала, как и мужского, в человеческом существе.

Пробуждение кундалини в тантрическом контексте может быть также вызвано посредством ритуального сексуального союза. При такой практике женщина может быть только инструментом для достижения адептом-мужчиной вместе с оргазмом сверхчеловеческого блаженства: женщина превращается в орудие; даже если сам опыт остаётся в принципе опытом переживания женской энергии, эта энергия некоторым образом покорена, управляема мужчиной. Всё-таки, согласно некоторым шиваитским текстам, таким как «Тантралока» Абхинавагупты (X в.), ссылающего на более ранние тантры, женщина-партнёр на обряде также является посвящённой и способной достичь самых высоких духовных состояний. Различные моменты ритуального союза в таком случае приводят к тому, что и мужчина и женщина вместе переживают мистический опыт. В «Тантралоке» (29.122–123) даже утверждается, что только «средний путь» (мадхьянади = сушумна, по которому поднимается кундалини) женщины «полностью раскрывается» и что, стало быть, ей одной учитель обязан передать учение кулы в его полноте, и это учение через неё будет затем передано ученикам мужского пола. «Именно на откровении, полученном из уст йогини (йогини-вактра), – гласит этот текст, – основывается традиция кулы. Именно от неё обретается знание». Комментируя это место, позднейший кашмирский автор Джаяратха цитирует строфу, в которой утверждается, что посвящённая женщина может за один день обрести знание, для постижения которого адепту-мужчине потребуется год: возможно это гипербола, однако здесь заметны представления, где не только энергия является женской, но где женщина является вместилищем, особым источником знания, обладая в таком качестве божественной энергией.

Можно было бы назвать большое число тантрических текстов, содержащих представления о божественной энергии как о женской энергии, присутствующей в человеческом существе также, как и в космосе. А также и других, где женщина оказывается особым вместилищем этой энергии. Заметим по этому поводу, что в индуистской Индии традиционно существует связь между монархом и Богиней, которая в одной из своих ипостасей выступает божественной защитницей царства: ещё и в наши дни в бывших княжествах такие царские культы отправляются в храме богини.

Чтобы закончить, я хотел бы указать на случай, связанный не столько с Индией, сколько с Тибетом, а именно дакини в тантрическом буддизме. В индуизме дакини это тантрические женские божества, вызывающие страх, но занимающие второстепенное положение. В тибетском буддизме, напротив, они оказываются проводниками на пути к просветлению; будучи сострадательными, они некоторым образом пример трансцендентального и благостного женского совершенства. Их называют даже «матерями всех будд» – при этом они, впрочем, не теряют полностью грозного аспекта своей природы, присущего индийским представлениям о женщине, но этот аспект занимает весьма второстепенное место. Случай интересен, так как он относится к традиции, а именно традиции буддизма, которой изначально не присущ культ женского начала, даже если с самого начала имелись буддийские монахини, которые также могли достичь состояния архата. Как и в индуизме, здесь перед нами ещё один пример утверждения сакральности женского начала, превознесения женского начала в мире, превознесения, которое, как кажется, исходит прежде всего со стороны мужчины.